

Сделательством президента Рузвельта, в отношении Голландии, что Соединенные Штаты ни в каком случае не вмешиваются ни в войну и не сдвигают политику склонить Англию к открытию мирных переговоров.

По сведениям берлинского „Local Anzeiger“, в Гааге ртительный отказ британского правительства принять посредничество Голландии провозглашено крайне тяжелым вечаем. В этот ангайский парламент скажано, однако, что оно готово обсудить предложение, которая могут быть сделаны боорскими уполномоченными и посредниками. Неудача голландского предложения признается неспиримостью боорских представителей в Европе. Доктор Лейдс замечает корреспонденту „Daily News“ в Брюсселе, что Англия не может требовать вперед от боорсов отречения от незаконности объявить республику, как предварительное условие переговоров о мире. Темь боить не может она этого требовать, что в данный момент вооруженное положение боорсов очень благоприятно. Все боорские уполномоченные собрались 18 (31) января в Утрехте, у Крюгера, для совещания с действительными ангайскими отрядами. Голландское правительство, и особенно лично королева Вилгельмина оказывают сильнейшее давление на боорсов, чтобы они отказались от своей неспиримости.

Отказ британского правительства принять посредничество Голландии вновь поинтерес. Жертвы, понесенная Англией в южно-африканской войне, на столько значительны, что о согласении с боорами не может быть и речи. Британское правительство настаивает на итязивлении боорам безусловной покорности и только под эти условия обещает даровать быльшим южно-африканским республикам автономию их области внутреннего управления. Поа бооры не признают над собой верховного протектората Великогобритании, трудно предполагать, чтобы в Лондон приехала возможная иступить в переговоры с боорами. Маркиз Салisbury и его товарищам по кабинету прекрасно понимают, что общественное мнение страны осуждало бы политику правительства, ртывающаяся пойти на уступки постъ таких иррипухих жертв, какими сопровождалась южно-африканская война.

Италийский деп. Шапайский корреспондент „Kön. Zeit.“ пишет: «О времени итязивления японской войны Шапайский приобрел независимую репутацию мста, гд фабрикуется всевозможная сенсационная информация. Эта репутация так и осталась за ним и еще больше упрочилась во время боорских беспорядков. Отчасти это происходит от необычайной трудности добывать достоверные сведения из области политики. Какъ известно, за ден-

ти можно все достать в Китае, даже самые важные и тайные государственные акты. Но получивший такой документ и расплатившийся за него большаи денга, все-таки не может быть уверен, что он владеет подлинным правительственным актом и что ему не подослали подложного документа. Вообще, полагаются на китайцев, немцев и иностранному журналисту в Китае надо обладать очень большою опытностью, чтобы не впасть в обман и служить распознать истину от вымышленного; кроме того, он должен иметь еще в виду тш тайную цбл, которая очень часто бывает положена в основу сданных ему сообщений. Если же прибавить к этому, что, вообще, точность и правдивость не составляют качества китайцев, то становится вполне понятно, что самая добросовестная из местных газет очень часто сообщают сведения, которая посплетены оказываются вымышленными».

Пт. Гонконга телеграфировать в ангайские газеты, что итязивские власти дали следующее объяснение стрельбе в британский пароход „Nanping“, при чемъ убитъ былъ капитан на ангайском судне „Glor“. Сказано, по уверению китайских властей, сражались съ разбойниками иона изука случайно пошла в неверное направление и причинила несчастье. В удостоверение этого самоп китайская власть представила два трупы убитого разбойника ангайскими. Британское правительство объявило себя удовлетворенным этим объяснением, вице-король отомандировал двѣ миноискан и объявил организовать настоящую флотилу для надзора за безопасностью ртчного судоходства. Ртчная полиция получила уже на этот счетъ строжайшие инструкции. Часть экипажа этого судна будетъ состоять изъ иностранцев.

Пезинский корреспондент „Times“ говорит по поводу отказа германского главнокомандующего в Тил-Цинг присутствовать на обмене совещания по вопросу о сокращении тил-цзингской гарнизона, что по обмену мнимо, Германия имеет только предлога действовать вилзависимыми образомъ или же сохранить такое положение, которое бы дало ей возможность добиваться в качестве вознаграждения за отказание своих войск в Тил-Цинга, новухъ коммерческих привилегий в Шангтш.

На столахъ газеты „Ostasien“ появилось письмо Ли-Хунг-Чапа, написанное имъ в последние дни его жизни. В то время, когда былъ подписан пезинский мирный протоколъ, Ли-Хунг-Чапъ чувствовал себя уже очень слабымъ. Претывая свою близкую кончину, онъ обратился 30 сентября (20 августа по китайскому счислению) съ тайными письмомъ къ Императору. Вотъ въ общихъ чертахъ содержание этого послания: Китайские чиновники пердятъ говорить: «Мы не должны уступать Манчжурью России». Подобный ртв достойны только техъ людей, которые не отдаютъ себя отчета в современныхъ событияхъ и не понимаютъ будущего. Если вы теперь уступаете Манчжурью России, Япония, разумеется, не замедлитъ овладеть Кореей. Такимъ образомъ оба державы придутъ въ сопряжение, и каждый изъ со-

бои мнѣ, значитъ и болеть... а одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ ужъ надоело болеть!.. А затѣмъ ея психическая болезнь, втвоемъ подобии плакущей ны стоить твоею—все это мнѣ надоело до смерти... —Какъ это душно такъ говорить! —Прому васъ, не читайте мнѣ настаивать отъ этого Зань, не вытирайте... напротивъ... И упирный и злой человекъ, и не нужно мне раздражать.

Г-жа Давро неоднократно покаялась головой, открыла бутылку и влила большое количество вина. Франсуа заглядывая въ самые глаза — Вы не разедрисались? спросилъ онъ. Молодая женщина ничего не отвѣтила и опустила на стул. Прошло несколько минутъ полого молчания.

—Какъ вкусно, проговорила, наконецъ, большой, медленно отпивая вино.—Сейчасъ борюсь себя чувствуешь. —Не хотите-ли и вы попробовать? добавила онъ шутливо. —Я слышъ сухарь, отвѣтила она.

Понявъ, что г-жа Давро была больше не сердится на него, Франсуа обратился къ ней со словами, въ которыхъ, кроме страстной молитвы, таловъ и приваляно. —Сините ваши перчатки, сказала онъ, —какъ-то разъ вы ужъ снимали ихъ. Я люблю блескъ вашихъ коленъ, люблю глядеть на ваши руки, на ихъ нѣжную кожу, ртвые пальцы и розовые ногти. Подобная ругань твоего рода драгоцѣнна.

Г-жа Давро поспешила снять перчатки. Подъ нахулиненъ дерзостью словъ и фамильярностью выражений она отдала самую глубокую робость боизания, которая не знала, какъ высказываться. Большой вынулъ вино и г-жа Давро встала, нагнувшись отъ стула къ прежнему мѣсту.

—Она въ беспомощности... проинесъ Франсуа. —Онъ оцѣнилъ голову на пошуху и съ видимымъ удовольствіемъ сѣдлалъ за ртвенниками г-жа Давро. Когда-же молодая женщина возвратилась къ своему мѣсту у постели больного, онъ наклонился къ ней. —Какъ-бы тамъ ни было, началъ онъ,— вы восторжествовали, побѣда за вами и... я тому радъ... Какъ это странно!.. Но нѣтъ—это понятно: это болѣе... Мы не могли-бы иначе встрѣтиться; если-бы я былъ здоровъ, вы не пришли-бы сюда, а я продолжалъ-бы работать, оставаясь-бы ремесленникомъ, свободнымъ въ своихъ убежденияхъ и поступкахъ... Теперь убеждения мои, мой идеалъ ни въ чемъ не служатъ ни и не владѣю ими, ни опъ мною: боизанъ завладѣла мной вполне, все остальное потерлo для меня смыслъ и цѣлу... я пишу развлекательный мнѣ необходимо забыть... Вы понимаете, конечно, что въ болѣзнь и не выжила, только все та же болѣзнь выжила мое отношение къ жизни. —Это смѣшно и въ то же время наивное упреніе въ вѣрности своимъ прежнимъ идеаламъ заставило г-жу Давро улыбнуться. —Я понимаю, отвѣтила она, и если на мой строгий советъ побѣда, то очень скромная... Но пусть даже мы останемся въ основномъ сиротами, все-же я рада, что узнала васъ. —И я тоже, какъ видите... Что бы было со мной безъ васъ, безъ вашихъ посѣщеній?..

Въ вопросу о торговлѣ съ Германией. По словамъ „Dieen. Post“, 19 варшавскихъ фирмъ, торгующихъ бумагой, голландскими товарами, кожными изделиями и проч., постановили прервать всякія сношенія съ итязивскими торговыми представителями фирмъ. Въ виду такого ртвенія варшавскія фирмы обратились къ консуламъ: ангайскому, австро-венгерскому, французскому, голландскому, италіанскому и Соединенныхъ Штатовъ съ просьбой принять участие въ вопросѣ объ обрѣщеніи торговыхъ сношеній съ фирмами указанными странъ.

Гибель воздухоплавателя. На дняхъ, по сообщению берлинскихъ газетъ, нѣвѣстные воздухоплаватели докторъ Линке и капитанъ Зигфельдъ отправлены на воздушномъ шарѣ изъ Берлина по направлению къ Антверпену. При очень сильномъ попутномъ вѣтрѣ воздухоплаватели пролетѣли это расстояние въ пять часовъ. Въ виду ртв Скала въ шарѣ произошла кака-то порча и газъ началъ утекать очень быстро. Въ цѣль спасения жизни оба аэронавта выскочили изъ корзины съ незначительной высотой. Докторъ Линке отдался легкимъ убившимъ, капитанъ-же Зигфельдъ, зацѣпившись за веревку, удержался головой о камень и умеръ на мѣстѣ.

Тара папы Льва XIII. Въ день 25-летняго юбилея папства Левъ XIII, какъ сообщаютъ римскія газеты, получилъ въ даръ золотую трюбную корону. Въ Ватиканѣ истреблена сплюснута золотая корона, которую принесъ въ даръ Папоземъ I папѣ Пию VII. Корона эта вѣситъ 8,700 граммовъ и для пошения на головѣ слишкомъ тяжелая. Золотая тара папы Льва XIII будетъ значительно легче.

Статья Пинара. На дняхъ появилась въ „Grande Revue“ обширная статья полковника Пинара, заглавнаго изъ процесса Дрейфуса, относительно военного положения Европы. Авторъ утверждаетъ, что проектъ общаго вооруженія не состоялся благодаря упрямству Германии; вромъ этого поинтересъ Пинара настаиваетъ на томъ, что между Франціей и Англией должно состояться соглашение исключительно въ цѣляхъ обороны.

Второе богословское чтеніе. 20 января, въ воскресенье, въ 7 часовъ вечера, въ залѣ Фундукоевской женской гимназіи состоялся второе богословское чтеніе, предложенное докторомъ Киевской духовной академіи Д. И. Богдановскимъ на тему: «о самосильнѣ и самовольнѣ исторіи противъ современной рационализма». Послѣ опредѣленія того, что должно разумѣть подъ именемъ самовольнѣ, докторъ изложилъ исторію и время происхожденія четырехъ самовольнѣ, общее содержание каждой изъ нихъ и ихъ взаимное отношение и затѣмъ, охарактеризовавъ отношеніе разныхъ школъ современной рационализма—натуральной, исторической и др. къ самовольнѣ и ихъ повествованіямъ, докторъ предложилъ вниманию слушателей нѣкоторые изъ рационалистическихъ толкований свангельскихъ повествованій о чудесахъ, напр., превращенія Господомъ Исусомъ Христомъ воды въ вино на брадь въ Канѣ Галаилейской, насаченія 5000 и 4000 человекъ 5 и 7 хлѣбамъ, хожденія по водѣ и укрощенія бури Господомъ Исусомъ Христомъ, воскресенія сына вѣщавой вдовы.

Всякій разъ ужься г-жа Давро оставалась еще некоторое время въ соседней комнатѣ съ Эльзъ и дѣлалась съ ней вынесеннымъ вечаемъ. Эльзъ слушала, опустивъ глаза и плотно сжавъ губы. Какое-то странное стѣпеніе легло въ отношеніяхъ между двумя женщинами въ последнее время. Вызавалась-ли она ревностью одной изъ нихъ? Конечно нѣтъ. Различіе социальныхъ положеній, тяжелое состояніе больного, все это устранило всякую возможность какого-либо соперничества. Эльзъ не могла не цѣнить усугубъ, оказываемыхъ ей прежней хозяйкой; она пришла-бы въ отчаяніе, если-бы г-жа Давро прервала свои посѣщенія, но тѣмъ не меньше она была оскорблена въ своихъ чувствахъ женой. Быть презрѣмой, едва переносимой, впрочемъ, не слышать ея грубостей въ те время, когда другая, совершенно чуждая «заманчивается» наизумомъ—это тяжело и обидно.

Г-жа Давро поиняла, что говорено ей безумное слово Эльзъ, но у нея не было возможности его утѣшить. Пошла, приносима Франсуа, та радость, въ которой жаль посѣднія недѣли несчастный, не обходился безъ мученій для его жены; и необходимо было, чтобы она до конца принесла ему эту жертву; такъ требовала долгъ или тотъ законъ страданій, по которому одинъ освобождается отъ пикъ за счетомъ другого.

Всягда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всоюзноуйтесь вашимъ вѣщавіемъ! —Я поиняла! отвѣтила возмущенно г-жа Давро.

Она поинялась действительно, но приотступила къ своей миссисъ съ болѣе страннымъ опасеніемъ, о чемъ свидѣтельствовала ея дрожащая голова. —Еще при входѣ въ комнату г-жу Давро поразилъ изумренный видъ Франсуа, но тѣмъ не меньше лицо его сегодня было дѣтскиво оживленнымъ, взглядъ болѣе мягкій, чѣмъ во все предыдущее дни.

Чтобы подойти къ шестолитному вопросу г-жа Давро начала издалека. —Вы мнѣ рассказывали какъ-то, что вы посетили меня, в суткахъ отъѣзда и что ваша мать была очень ртвенно женщиной. —Да... Почему вы объ этомъ сегодня заговорили? —Такъ... для того, чтобы узнать, не сохранились ли въ васъ самыхъ ртвенное чувство. —Поиняю, что все это означать, и благодарю за заботу... только, кажется, это Эльзъ васъ настроила. Вотъ уже некоторое время, какъ она все сводитъ ртвѣ объ этомъ... не трудно понять ея игру, но она подумала, что надо, предостерегая васъ, чтобы вы не горько... Провиде свѣщенника, если хотите: далъ мнѣ или на дѣл себя, это все равно! И хочу исповѣдаться и черезъ всѣхъ свѣтлому удовольствію. Мнѣ нечего скрывать... И не былъ свѣтлымъ вѣщавіемъ нѣтъ... да гдѣ она, эти связки...

Все это она сказала съ самымъ неприкрытымъ вѣдомъ, въ словахъ большого не чувствовалось ни горяча, ни возмущенія, лишь то что въ ртвѣ отрпченія отъ жизни свободно въ отъихъ по виду шумливыхъ фразахъ, да также и страхъ расчувствоваться самому и ртвенно свое пожелтанію. Получивъ согласіе, молодая женщина замолчала. Черезъ некоторое время Франсуа наклонился къ ней и проговорилъ: —Постарайтесь быть серьезными одну минуту... Я хочу сказать вамъ два слова, и затѣмъ... я къ этому вопросу болѣе никогда не возвращаюсь, такъ какъ мнѣ самому, принятѣ говорить о другомъ... Вотъ въ чемъ дѣло: я васъ не знаю... простите... Вы являя на себя трупъ приходите сюда довольно часто еще съ начала зимы и это вслѣдствіе ртвенной вамъ заблуда,—и не вѣщаву другой причины... и все же, я повторю, я васъ не знаю. Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ людьми подобными вамъ; я не могу себя представить, что можетъ быть въ сердцѣ и въ головѣ свѣтлой дамы. И вотъ я узналъ васъ, и теперь вѣрю вамъ и знаю, что вы продолжите то, что начала для насъ; я говорю да «насъ», подразумеваю Эльзъ и дѣтей, конечно... Я не былъ хорошимъ отцомъ, ни любящимъ мужемъ, быть можетъ, потому что желалъ отъ ртвенно Эльзъ не была достаточно умна, а тоже не была благодарна—жизнь наша такъ и не устроилась... и вотъ теперь я надѣюсь на васъ, что вы ихъ не оставите и позаботитесь о нихъ.

Франсуа пристально глядѣлъ на г-жу Давро, взглядъ его гоубыхъ глазъ, казалось, пронизывалъ ее. —Въ знакъ обнчания молодая женщина наклонила голову—говорить она не могла... Дѣтъ крушимъ слезы упали изъ ея глазъ, ртвенно, чѣмъ она успѣла поднести платокъ къ глазамъ. Франсуа замѣтилъ ихъ и сѣлъ поръ г-жа Давро отъ него не слышала: —Выговорю васъ... Минуту спустя онъ повернулся къ стѣнѣ со словами: —Наинте меня, я очень усталъ сегодня... Въ слѣдующій разъ... И, когда г-жа Давро наклонилась къ нему, протянула на прощаніе руку, онъ добавилъ: —Какъ бы то ни было, но въ жизни много странностей... дѣлать изобрѣтательна... Я и представляю себя не могу, что она говоритъ мнѣ непонятно? Это было лучшее изъ всего, что она мнѣ дала. Вы были послѣдній «буежь» ея, роскошной, чудной, и постъ него ничего болѣе не нужно. (Оконч. слѣд.)

не говорите, перестаю думать, становилась какою-то равнодушно-сдержанной. Лицо его какъ-то странно измѣнилось: онъ, очевидно, сильно страдалъ. Сприветъ его самого—ничего было и думать. Что-же касается Эльзъ, то она на всѣ вопросы отбывала улыбочку: докторъ не говорилъ ничего, не помнилъ летенія. И вотъ кака-то гнетущая, давящая тоска повисла надъ маленькой партерной; въ этотъ токъ постепенно потонуло все остальное—и раздраженіе большого, и молчаливая злоба отвергнутой жены.

Передъ великой драмой смерти все вдругъ затихало; всѣ чувства и мысли притуплялись не только у самого умирающаго, но даже и у окружающихъ его. —Усталъ охватить г-жу Давро: она хотѣла узнать правду и въ то же время жалась ей.

Въ одно изъ слѣдующихъ посѣщеній г-жи Давро Эльзъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: —Сегодня вы найдете его лучше, мадамъ; у него даже явилось желаніе говорить... Если бы вы послезавтра ея его не встретили и угорювали бы пригласить свѣщенника... Это было бы доброе дѣло... Священникъ отъ насъ итязивъ и успокоитъ... Да къ тому же это и необходимо: у великаго человека, даже большого есть своя обязанность.

Всѣгда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всоюзноуйтесь вашимъ вѣщавіемъ! —Я поиняла! отвѣтила возмущенно г-жа Давро.

Она поинялась действительно, но приотступила къ своей миссисъ съ болѣе страннымъ опасеніемъ, о чемъ свидѣтельствовала ея дрожащая голова. —Еще при входѣ въ комнату г-жу Давро поразилъ изумренный видъ Франсуа, но тѣмъ не меньше лицо его сегодня было дѣтскиво оживленнымъ, взглядъ болѣе мягкій, чѣмъ во все предыдущее дни.

Чтобы подойти къ шестолитному вопросу г-жа Давро начала издалека. —Вы мнѣ рассказывали какъ-то, что вы посетили меня, в суткахъ отъѣзда и что ваша мать была очень ртвенно женщиной. —Да... Почему вы объ этомъ сегодня заговорили? —Такъ... для того, чтобы узнать, не сохранились ли въ васъ самыхъ ртвенное чувство. —Поиняю, что все это означать, и благодарю за заботу... только, кажется, это Эльзъ васъ настроила. Вотъ уже некоторое время, какъ она все сводитъ ртвѣ объ этомъ... не трудно понять ея игру, но она подумала, что надо, предостерегая васъ, чтобы вы не горько... Провиде свѣщенника, если хотите: далъ мнѣ или на дѣл себя, это все равно! И хочу исповѣдаться и черезъ всѣхъ свѣтлому удовольствію. Мнѣ нечего скрывать... И не былъ свѣтлымъ вѣщавіемъ нѣтъ... да гдѣ она, эти связки...

не говорите, перестаю думать, становилась какою-то равнодушно-сдержанной. Лицо его какъ-то странно измѣнилось: онъ, очевидно, сильно страдалъ. Сприветъ его самого—ничего было и думать. Что-же касается Эльзъ, то она на всѣ вопросы отбывала улыбочку: докторъ не говорилъ ничего, не помнилъ летенія. И вотъ кака-то гнетущая, давящая тоска повисла надъ маленькой партерной; въ этотъ токъ постепенно потонуло все остальное—и раздраженіе большого, и молчаливая злоба отвергнутой жены.

Передъ великой драмой смерти все вдругъ затихало; всѣ чувства и мысли притуплялись не только у самого умирающаго, но даже и у окружающихъ его. —Усталъ охватить г-жу Давро: она хотѣла узнать правду и въ то же время жалась ей.

Въ одно изъ слѣдующихъ посѣщеній г-жи Давро Эльзъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: —Сегодня вы найдете его лучше, мадамъ; у него даже явилось желаніе говорить... Если бы вы послезавтра ея его не встретили и угорювали бы пригласить свѣщенника... Это было бы доброе дѣло... Священникъ отъ насъ итязивъ и успокоитъ... Да къ тому же это и необходимо: у великаго человека, даже большого есть своя обязанность.

Всѣгда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всоюзноуйтесь вашимъ вѣщавіемъ! —Я поиняла! отвѣтила возмущенно г-жа Давро.

Она поинялась действительно, но приотступила къ своей миссисъ съ болѣе страннымъ опасеніемъ, о чемъ свидѣтельствовала ея дрожащая голова. —Еще при входѣ въ комнату г-жу Давро поразилъ изумренный видъ Франсуа, но тѣмъ не меньше лицо его сегодня было дѣтскиво оживленнымъ, взглядъ болѣе мягкій, чѣмъ во все предыдущее дни.

Чтобы подойти къ шестолитному вопросу г-жа Давро начала издалека. —Вы мнѣ рассказывали какъ-то, что вы посетили меня, в суткахъ отъѣзда и что ваша мать была очень ртвенно женщиной. —Да... Почему вы объ этомъ сегодня заговорили? —Такъ... для того, чтобы узнать, не сохранились ли въ васъ самыхъ ртвенное чувство. —Поиняю, что все это означать, и благодарю за заботу... только, кажется, это Эльзъ васъ настроила. Вотъ уже некоторое время, какъ она все сводитъ ртвѣ объ этомъ... не трудно понять ея игру, но она подумала, что надо, предостерегая васъ, чтобы вы не горько... Провиде свѣщенника, если хотите: далъ мнѣ или на дѣл себя, это все равно! И хочу исповѣдаться и черезъ всѣхъ свѣтлому удовольствію. Мнѣ нечего скрывать... И не былъ свѣтлымъ вѣщавіемъ нѣтъ... да гдѣ она, эти связки...

не говорите, перестаю думать, становилась какою-то равнодушно-сдержанной. Лицо его какъ-то странно измѣнилось: онъ, очевидно, сильно страдалъ. Сприветъ его самого—ничего было и думать. Что-же касается Эльзъ, то она на всѣ вопросы отбывала улыбочку: докторъ не говорилъ ничего, не помнилъ летенія. И вотъ кака-то гнетущая, давящая тоска повисла надъ маленькой партерной; въ этотъ токъ постепенно потонуло все остальное—и раздраженіе большого, и молчаливая злоба отвергнутой жены.

Передъ великой драмой смерти все вдругъ затихало; всѣ чувства и мысли притуплялись не только у самого умирающаго, но даже и у окружающихъ его. —Усталъ охватить г-жу Давро: она хотѣла узнать правду и въ то же время жалась ей.

Въ одно изъ слѣдующихъ посѣщеній г-жи Давро Эльзъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: —Сегодня вы найдете его лучше, мадамъ; у него даже явилось желаніе говорить... Если бы вы послезавтра ея его не встретили и угорювали бы пригласить свѣщенника... Это было бы доброе дѣло... Священникъ отъ насъ итязивъ и успокоитъ... Да къ тому же это и необходимо: у великаго человека, даже большого есть своя обязанность.

Всѣгда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всоюзноуйтесь вашимъ вѣщавіемъ! —Я поиняла! отвѣтила возмущенно г-жа Давро.

Она поинялась действительно, но приотступила къ своей миссисъ съ болѣе страннымъ опасеніемъ, о чемъ свидѣтельствовала ея дрожащая голова. —Еще при входѣ въ комнату г-жу Давро поразилъ изумренный видъ Франсуа, но тѣмъ не меньше лицо его сегодня было дѣтскиво оживленнымъ, взглядъ болѣе мягкій, чѣмъ во все предыдущее дни.

да и въ темъ въ сущности свѣтлосте. Если я обязанъ отдать отчетъ, то на многое и я долженъ потребовать отвѣта: почему, напримеръ, я не ртвенно обладаютеемъ милліонами... Я сумѣлъ бы ихъ разстрѣять и быть въ свѣтлосте обществѣ тѣмъ же, чѣмъ и всякій другой, будь у меня капиталъ и воспитаніе, которое дастъ мнѣ... Да мнѣ все комедія окончена. И не обманывайте, не поспириведано, вѣдь, надоѣло и мнѣ... Хотя все же, я повторю, если вамъ это доставитъ удовольствіе пусть войдетъ сюда сутаня, и не претендуйте и даже обидно вамъ быть сдержаннымъ и вѣщавымъ.

Все это она сказала съ самымъ неприкрытымъ вѣдомъ, въ словахъ большого не чувствовалось ни горяча, ни возмущенія, лишь то что въ ртвѣ отрпченія отъ жизни свободно въ отъихъ по виду шумливыхъ фразахъ, да также и страхъ расчувствоваться самому и ртвенно свое пожелтанію. Получивъ согласіе, молодая женщина замолчала. Черезъ некоторое время Франсуа наклонился къ ней и проговорилъ: —Постарайтесь быть серьезными одну минуту... Я хочу сказать вамъ два слова, и затѣмъ... я къ этому вопросу болѣе никогда не возвращаюсь, такъ какъ мнѣ самому, принятѣ говорить о другомъ... Вотъ въ чемъ дѣло: я васъ не знаю... простите... Вы являя на себя трупъ приходите сюда довольно часто еще съ начала зимы и это вслѣдствіе ртвенной вамъ заблуда,—и не вѣщаву другой причины... и все же, я повторю, я васъ не знаю. Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ людьми подобными вамъ; я не могу себя представить, что можетъ быть въ сердцѣ и въ головѣ свѣтлой дамы. И вотъ я узналъ васъ, и теперь вѣрю вамъ и знаю, что вы продолжите то, что начала для насъ; я говорю да «насъ», подразумеваю Эльзъ и дѣтей, конечно... Я не былъ хорошимъ отцомъ, ни любящимъ мужемъ, быть можетъ, потому что желалъ отъ ртвенно Эльзъ не была достаточно умна, а тоже не была благодарна—жизнь наша такъ и не устроилась... и вотъ теперь я надѣюсь на васъ, что вы ихъ не оставите и позаботитесь о нихъ.

Франсуа пристально глядѣлъ на г-жу Давро, взглядъ его гоубыхъ глазъ, казалось, пронизывалъ ее. —Въ знакъ обнчания молодая женщина наклонила голову—говорить она не могла... Дѣтъ крушимъ слезы упали изъ ея глазъ, ртвенно, чѣмъ она успѣла поднести платокъ къ глазамъ. Франсуа замѣтилъ ихъ и сѣлъ поръ г-жа Давро отъ него не слышала: —Выговорю васъ... Минуту спустя онъ повернулся къ стѣнѣ со словами: —Наинте меня, я очень усталъ сегодня... Въ слѣдующій разъ... И, когда г-жа Давро наклонилась къ нему, протянула на прощаніе руку, онъ добавилъ: —Какъ бы то ни было, но въ жизни много странностей... дѣлать изобрѣтательна... Я и представляю себя не могу, что она говоритъ мнѣ непонятно? Это было лучшее изъ всего, что она мнѣ дала. Вы были послѣдній «буежь» ея, роскошной, чудной, и постъ него ничего болѣе не нужно. (Оконч. слѣд.)

не говорите, перестаю думать, становилась какою-то равнодушно-сдержанной. Лицо его какъ-то странно измѣнилось: онъ, очевидно, сильно страдалъ. Сприветъ его самого—ничего было и думать. Что-же касается Эльзъ, то она на всѣ вопросы отбывала улыбочку: докторъ не говорилъ ничего, не помнилъ летенія. И вотъ кака-то гнетущая, давящая тоска повисла надъ маленькой партерной; въ этотъ токъ постепенно потонуло все остальное—и раздраженіе большого, и молчаливая злоба отвергнутой жены.

Передъ великой драмой смерти все вдругъ затихало; всѣ чувства и мысли притуплялись не только у самого умирающаго, но даже и у окружающихъ его. —Усталъ охватить г-жу Давро: она хотѣла узнать правду и въ то же время жалась ей.

Въ одно изъ слѣдующихъ посѣщеній г-жи Давро Эльзъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: —Сегодня вы найдете его лучше, мадамъ; у него даже явилось желаніе говорить... Если бы вы послезавтра ея его не встретили и угорювали бы пригласить свѣщенника... Это было бы доброе дѣло... Священникъ отъ насъ итязивъ и успокоитъ... Да къ тому же это и необходимо: у великаго человека, даже большого есть своя обязанность.

Всѣгда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всоюзноуйтесь вашимъ вѣщавіемъ! —Я поиняла! отвѣтила возмущенно г-жа Давро.

Она поинялась действительно, но приотступила къ своей миссисъ съ болѣе страннымъ опасеніемъ, о чемъ свидѣтельствовала ея дрожащая голова. —Еще при входѣ въ комнату г-жу Давро поразилъ изумренный видъ Франсуа, но тѣмъ не меньше лицо его сегодня было дѣтскиво оживленнымъ, взглядъ болѣе мягкій, чѣмъ во все предыдущее дни.

Чтобы подойти къ шестолитному вопросу г-жа Давро начала издалека. —Вы мнѣ рассказывали какъ-то, что вы посетили меня, в суткахъ отъѣзда и что ваша мать была очень ртвенно женщиной. —Да... Почему вы объ этомъ сегодня заговорили? —Такъ... для того, чтобы узнать, не сохранились ли въ васъ самыхъ ртвенное чувство. —Поиняю, что все это означать, и благодарю за заботу... только, кажется, это Эльзъ васъ настроила. Вотъ уже некоторое время, какъ она все сводитъ ртвѣ объ этомъ... не трудно понять ея игру, но она подумала, что надо, предостерегая васъ, чтобы вы не горько... Провиде свѣщенника, если хотите: далъ мнѣ или на дѣл себя, это все равно! И хочу исповѣдаться и черезъ всѣхъ свѣтлому удовольствію. Мнѣ нечего скрывать... И не былъ свѣтлымъ вѣщавіемъ нѣтъ... да гдѣ она, эти связки...

не говорите, перестаю думать, становилась какою-то равнодушно-сдержанной. Лицо его какъ-то странно измѣнилось: онъ, очевидно, сильно страдалъ. Сприветъ его самого—ничего было и думать. Что-же касается Эльзъ, то она на всѣ вопросы отбывала улыбочку: докторъ не говорилъ ничего, не помнилъ летенія. И вотъ кака-то гнетущая, давящая тоска повисла надъ маленькой партерной; въ этотъ токъ постепенно потонуло все остальное—и раздраженіе большого, и молчаливая злоба отвергнутой жены.

Передъ великой драмой смерти все вдругъ затихало; всѣ чувства и мысли притуплялись не только у самого умирающаго, но даже и у окружающихъ его. —Усталъ охватить г-жу Давро: она хотѣла узнать правду и въ то же время жалась ей.

Въ одно изъ слѣдующихъ посѣщеній г-жи Давро Эльзъ обратилась къ ней со слѣдующими словами: —Сегодня вы найдете его лучше, мадамъ; у него даже явилось желаніе говорить... Если бы вы послезавтра ея его не встретили и угорювали бы пригласить свѣщенника... Это было бы доброе дѣло... Священникъ отъ насъ итязивъ и успокоитъ... Да къ тому же это и необходимо: у великаго человека, даже большого есть своя обязанность.

Всѣгда такая робкая и неземная Эльзъ послѣднія слова проинесла, нагнувшись подернувшись ихъ. —Вы не болѣе, какъ лѣтвонисае и забла, в свѣщенника же серьезное дѣло—вотъ каковы были истинный смыслъ ея словъ... Но вслѣдъ затѣмъ Эльзъ снова приняла свой обычный жалобный тонъ. —Вы одна только, мадамъ, можете говорить мне. Умоляю васъ, всо

